АВРААМ ВЫСОЦКИЙ

Четвертый день уже Залман Тиниц плыл по Оби на белом пароходе «Алтаец».

После многих месяцев тюрьмы, после долгой езды по железной дороге, после шума, гама, сутолоки, этапов, встреч и прощаний — вдруг на станции Ново-Николаевск все сразу переменилось. Его и еще одного политического перевели в маленькую отдельную каюту на «Алтайце», и они поехали к месту ссылки — в город Бийск.

Бесконечной сверкающей дорогой тянулась великая сибирская река. Мимо шли черные, сочные берега.

К самому берегу подходил лес, крыл реку зеленой тенью, толстые коряги выплывали на середину, цеплялись за пароход. Чутко принимала тайга свист парохода, раздумывала минуту, и откуда-то из глубины ее раздавался глухой ухающий ответ.

**:

Встречались безбрежные луга, зеленая колыбель сверкающей реки. Возле деревень берег всегда был покрыт навозной коростой.

Однажды Тиниц услышал откуда-то сверху:

— Это ничаго, што назём: он от скотинки. В Рассее деревня ровно почище, да в ей скота-то нету!

Безграничный солнечный простор, широкогрудая река, великая тишина, упоительный речной воздух — все это оживило Тиница, коснулось слабым румянцем его худых бледных щек.

И жутко было ему, сердце холодело, когда к полудню четвертого дня пароход стал подходить к Бийску: что-то предстоит там?

Прошли пассажиры и потом, потихоньку, без огласки, вывели двух пареньков. Ждал их один жандарм на пристани. Посмотрел сбоку, оценил: жидок дохлый — отъедаться будет, рассейский — тот с огоньком. Бедокурить будет.

**

Пришли на огромную площадь, доходившую до реки. Площадь была так загромождена телегами, что трудно было пройти. Подъезжали все новые и новые телеги, и на каждой телеге были бочонки. Подходили люди с длинными стальными буравами в руках, быстро раскупоривали бочки, вонзали бурав и извлекали оттуда полосу масла, во всю длину бурава.

Засекин пояснял:

— Это пробуют сливочное масло. Видите, он кусает его и всегда безошибочно определяет его качество. В каждом бочонке пять пудов и на каждой телеге — пять бочонков. А поглядите, сколько телег кругом и сообразите, сколько миллионов пудов масла вывозят через один город Бийск в год. А ведь есть еще Барнаул, Пристань, Камень, Быстрый Исток, Ново-Николаевск. Мы кормим маслом пол-Европы! Вот каков этот край. А поглядите мужичка: неграмотен, темен, пьян и додуматься не может, что ему делать со своим богатством

В ту ночь над Алтаем пронесся первый буран. В хаосе смешались горы и провалы, потонули звезды, вздыбились вершины до самого неба.

Утром от первого луча дрогнули белые вершины, вспыхнули синим сиянием ледяные костры. Шел от них пахучий холод и гул ледяных мостов. И у человека на Бийской горе вспыхнуло маленькое кровавое сердце. Широких крыльев захотел он, чтобы, прыгнув, взмыть над степью и тайгой и понестись к далеким хрустальным вершинам, сломившим тихий сон земли.

Внизу Успенский собор гудел своей медью, но звон едва подымался до Бийской горы: казалось, он слишком был насыщен коньяком и рыбными пирогами.

Тиниц видел, как из собора вышло несколько десятков баб, несколько стариков: сибирский народ не богомольный.

Потом он направился ко дворцу миллионера Александра Ивановича Кассанова — отца Верочки.

Дворец был весь белый с легкими балкончиками, с мраморной лестницей, с колоннами. Поработал над этим домом талантливый архитектор-художник, создал на болоте красоту редкостную! Кругом стояли пятистенные и крестовые бревенчатые дома, законопаченные мохом. Чернели законченные бани. Дворы были мягко выстланы толстым слоем навоза. Точно так же выстлана была и вся улица, утопавшая в грязи или пыли — до колен. Тротуары гулко бежали по сторонам на своих курьих ножках, качались, накренивались в разные стороны — несли кой-как людишек на своих спинах. Возле белого дворца тротуар обрывался: тут уж лежали гранитные плиты, стояли чугунные тумбы с львиными головами, а на тумбах —

Ev Retro.n

КСТАТИ

Интересно, что прототипом Александра Ивановича Кассанова в романе Авраама Высоцкого «Суббота и воскресенье» является Николай Иванович Ассанов — бийский купец-миллионер, в его знаменитом особняке в стиле модерн сейчас размещается исторический отдел Бийского краеведческого музея. Описание здания в романе дано идеально, даже такие подробности, известные всем краеведам, как установленные перед «дворцом», как пишет Высоцкий, два льва, а в садике с беседкой редкие привозные растения и цветы, не упущены. Детали биографии Ассанова тоже совпадают, кроме города, откуда он приехал. В романе это Пермь, а в действительности — Ирбит.

цепи, а за цепями — роскошные цветники, заморские деревья, беседки.

Ночью при луне дворец казался сном, белым сном, приснившимся темному болотному городку.

Лет двадцать назад Кассанов прибыл из Перми приказчиком богатого купца, торговавшего в Монголии, на реке Чуе.

На коне, с винчестером за спиной, с нагаечкой, начал строить свою карьеру красивый парень Кассанов, с черными, должно быть, татарскими глазами. Потом сам торговать попробовал: купил немного скота у приятеля-монгола да и оставил его у него года на три. Монгол был польщен доверием, но потом лишь смекнул, что русский-то обвел его. Три года берег он проданную скотину, как собственный глаз: ведь у Кассанова — нагайка, у Кассанова — русский консул! Беда, если Кассанов пожалуется. Через три года скот почитай что удвоился!

Но это было дело законное. Были другие делишки, о которых иные чуйские торговцы еще и поныне шепчутся меж собой.

Теперь у Александра Ивановича орден Станислава. Губернатор у него всегда останавливается, когда из Томска приезжает. Александр Иванович — жертвователь, ревнитель просвещения, попечитель гимназии. Александр Иванович вагон серебра вывозит ежегодно в Монголию!

**

Народный дом выстроен на деньги Кассанова; за это он получил орден. Чин он получил за женскую гимназию.

Народный дом был тоже белый и походил на дом самого Кассанова. Ко времени революции он еще не совсем был отделан. Да ничего — не мешало народу переть туда со всех сторон, точно весенняя вода. Еще не все перебывали в Народном доме, слушать орателей.

Кто за недосугом: мальчишек-то ведь забрали, самим приходится все делать. Кто из робости не пошел, из трусости: а вдруг перевернется, как в пятом годе, и всех замешанных потом — по шапке!

Кто из возмущения не шел, все ожидая, что вотвот подоспеет телеграммка, а потом с музыкой прибудут казаки, не рады будете, проклятые оратели!

А кто не шел потому, что — не верил! Не верил, что и взаправду праздник пришел, что конец неволе и наболевшим старым обидам. Из уезда еще почти что и не приезжали — ждали там, притаившись в снегах: а вдруг зверь еще кинется!

Авдотья Цыбизова сама не знает, вдова она, или все еще солдатка. Давно уже с фронта писем нет, а товарищи, которые с Петрованом в окопах были, почитай, что уж все выбиты. Попали всей армией в гиблое место к германцу. Австрийца Авдотья не припасла: не может она сердцем от Петрована оторваться. Живой он, али мертвый — по всему миру сердечко ее носится, Петровановы косточки ищет, ночью и днем, во сне и наяву. Степушка, четыре годика ему, — весь в Петрована. Она и мальчонка любит пуще жизни, и Петрованову память любит — и не надо ей австрийца!

Как взяли Петрована, она, ровно второго сына, родила — думушку дивную, вроде как бы видение или мечту. Думушка не о себе, не о Петроване или Степушке, не о бельишке, что принимает она от господ для стирки. Даже странно вымолвить кому-нибудь, что такая прачка простая, а вечно думает о жизни человеческой, о правде человеческой.

Так про себя и носит эту мысль. Старенькой матери иной раз промолвится, а та сейчас закрестится и молитву шепчет. \blacksquare

Бийск.
Бывший
особняк
Николая
Ивановича
Ассанова.
В 1930
годы —
горсовет.
Фото из сети
Интернет